

Скаун Н. Н. Экспериментально-трасологические исследования керамических орудий труда эпохи палеометалла: (по материалам Алтын-депе и Теккем-депе) // СА. 1977. № 1. С. 264–268.

Смирнов В. С. Становление основ общественного производства (материально-технический аспект проблемы). Киев, 1983.

Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991.

Филиппов А. К. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983. С. 9–71.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

Хлопина Л. И. Новый тип орудий эпохи бронзы (Южная Туркмения) // СА. 1974. № 3. С. 240–242.

Шаманаев А. В., Зырянова С. Ю. Вторичное использование фрагментов керамики населением ташковской культуры (по материалам археологических находок и экспериментов) // ВАУ. Вып. 23. Екатеринбург, 1998. С. 196–204.

Щапова Ю. Л. Описание, классификация и эволюционные закономерности в развитии древних вещей // РА. 1994. № 2. С. 81–91.

Щелинский В. Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983. С. 72–133

Hodder I. Beyond processual archaeology // Perspective on archaeological theory and method. Lund, 1984. P. 45–54.

Keeley L. Experimental determination of stone tool uses: a microwear analysis. University of Chicago Press. Chicago, 1980.

Magnarella P. Human materialism: a paradigm for analyzing sociocultural systems and understanding human behavior // Theoretical Anthropology. 1997. Nr. 3.

А. С. Мохов

ВОЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X – НАЧАЛЕ XI В.

В историографии период второй половины X – первой четверти XI в. традиционно оценивают как время наивысшего расцвета Византии, которого она никогда уже не знала в своей дальнейшей истории. Это был период экономического роста, оживления ремесла и торговли, подъема городов, что благотворно сказалось на международном положении империи. Менее чем за сто лет ее территория увеличилась в два раза и достигла 1 млн квадратных километров, а население 20–24 млн человек. Были завоеваны и присоединены обширные области Малой Азии, Закавказья, Месопотамии и Северной Сирии. В 1018 г. после длительной и кровопролитной войны Византия установила свое господство в Болгарии, а славянские княжества на западе Балканского полуострова попали в зависимость от империи. К 1025 г. по своему экономическому и военному потенциалу Византия являлась самым могущественным государством Средиземноморья и Ближнего Востока.

Главная роль в усилении позиций Византии на международной арене

принадлежала ее вооруженным силам, одержавшим над врагами страны ряд блестящих побед. Далее мы постараемся выяснить основные причины столь возросшей мощи византийской армии, тем более что всего за сто лет до описываемых событий она находилась в состоянии глубокого кризиса. Следовательно, в X столетии должны были произойти серьезные изменения, позволившие улучшить организационную структуру и повысить боеспособность византийских войск.

В исследовательской литературе, посвященной военной и административной истории Византии, VIII – первую половину X в. принято считать периодом фемного строя. В это время вооруженные силы империи состояли из двух основных частей – фемных ополчений и «столичного войска». Между ними существовали серьезные различия в организации и комплектовании. Поэтому, представляется возможным, рассмотреть каждую по отдельности.

Фемные контингенты

В VIII–IX вв. большая часть византийской армии состояла из иррегулярных ополчений провинций-фем. Обязанность военной службы была возложена на стратиотов – многочисленную группу свободного земледельческого населения. Из них формировались провинциальные военные отряды (ф е м ы). Для того чтобы быть причисленным к сословию стратиотов, необходимо было владеть земельным участком или иным имуществом определенной стоимости. Стратиотские наделы, как и сами их владельцы, регистрировались специальными чиновниками и заносились в стратиотские каталоги, которые велись в каждой феме и государстве в целом.

Наделы стратиотов не были освобождены от обязательного налогообложения, как и прочие земельные владения в Византии. Однако по сравнению с другими категориями крестьянства стратиоты имели ряд льгот и привилегий. В мирное время стратиоты занимались ведением собственного хозяйства. Во время войны они обязаны были по приказу фемного стратига являться в указанное для сбора войск место. Все вооружение, амуницию, лошадей стратиоты приобретали за свой счет. По окончании военных действий фемные контингенты распускались и стратиоты возвращались к своему хозяйству [см. об этом: Каждан, 1954, 18–31; Kaegi, 1966, 48–70; Glykatzi-Ahrweiler, 1960, 5–24; Haldon, 1979, 41–81].

Фема, выступившая в поход, представляла собой тактическую единицу, способную самостоятельно вести боевые действия. Однако чаще всего несколько фем объединялись и составляли внушительную силу. Одна фема в VIII–IX вв. насчитывала до 4 тыс. воинов, а всего византийские провинции могли выставить войско в 120 тыс. человек [см.: Karayannopoulos, 1959, 91–92].

Помимо воинской единицы, термином «фема» в VIII–IX вв. обозначался также военно-административный территориальный округ. Вся Византия была разделена на такие округа, во главе которых стояли стратиги. Следовательно, стратиг одновременно являлся командиром военного отряда и гражданским правителем фемы как административного округа. Он назначался непосред-

ственно императором, подчинялся только ему или специально уполномоченному должностному лицу. Как глава гражданской администрации стратиг ведал судебными, финансовыми, налоговыми делами провинции, отвечал за порядок на вверенной ему территории [см., например: Успенский, 1900, 160–161; Bury, 1958, 43–47; Glykatzi-Ahrweiler, 1960, 35–38].

Фема делилась на более мелкие административные единицы – турмы. Их могло быть от двух до четырех в зависимости от величины провинции и численности ее населения. Как правило, одна из турм располагалась в административном центре фемы, а остальные – в наиболее крупных городах или крепостях. Турма, в свою очередь, делилась на банды – мелкие территориальные округа (до пяти в каждой турме). Турмой командовал турмарх, бандой – друнгарий. В случае получения приказа о сборе фемного ополчения друнгарий со стратиотами своей банды являлся к турмарху, который вел ополчение турмы в ставку стратига. Подобная система позволяла быстро мобилизовать военный потенциал фемы и сосредоточить его в одном месте.

Собравшись в единое целое, стратиотское ополчение фемы вновь разделялось, но уже не по территориальному принципу, а по родам войск. Отдельно формировались отряды кавалерии, тяжелой пехоты, пеших стрелков, обозная команда. Каждый такой отряд, составленный из одинаково вооруженных воинов, назывался мерой, командовал которой мерарх. Мера делилась на миры, а те на более мелкие подразделения – сотни, полусотни, десятки. Постоянных командиров, в обязанности которых входило бы руководство мерами или мирами, в феме не было. Поэтому на время похода командование мерами поручалось турмархам, а мирами – друнгариям (комиты, друнгарокомиты). Небольшие отряды, входившие в состав мир, возглавляли кентархи, декархи, пентархи [см.: Кулаковский, 1902, 21–23; Кучма, 1975, 79–81]. После окончания военных действий все командиры, за исключением стратига, лишались полномочий. Турмархи возвращались к исполнению своих обязанностей, а все остальные, как и рядовые стратиоты, к собственному хозяйству [см.: Кучма, 1975, 81; 1982, 104–105].

По данным источников IX–X вв. число командиров – архонтов – достигало в феме одной трети личного состава. Архонты делились на «высших» (стратиг, турмархи-мерархи), «средних» (друнгарий-комит, кентарх) и «низших» (декарх, пентарх). Большая часть командиров фемных ополчений занимала свои посты временно, лишь на период военных экспедиций. На постоянной основе служили лишь «высшие» архонты, стратиги и турмархи (офицерский состав фемных контингентов) [см. об этом: Haldon, 1990, 134–136].

Таким образом, в VIII – первой половине IX в. византийская фема представляла собой хорошо организованный военный отряд, укомплектованный значительным числом архонтов и рядовых стратиотов. Территориальная структура фемы позволяла в короткий срок мобилизовать ее военные ресурсы и приступить к выполнению боевой задачи. В данный период подобная военная и административная структура была распространена на всю территорию государства, в том числе и на регионы, в которых стратиоты служили не в сухопутной армии, а в военном флоте [см., например: Скабаланович, 1884,

182–187; Ahrweiler, 1966, 31 *suiv.*]. Исключение составляли пограничные провинции, где система военной организации была сложнее. Из-за постоянной угрозы вражеского нападения и необходимости наблюдать за противником в пограничных фемах формировались воинские формирования, несущие службу на постоянной основе. Эти подразделения комплектовались, как правило, из добровольцев, а их содержание лежало на государственной казне. Регулярные отряды концентрировались в стратегически важных крепостях, защищавших мосты, перекрестки дорог, горные перевалы (клисур). Командовали ими клисурархи или дуки, которые принадлежали к группе «высших» фемных архонтов [см.: Ферлуга, 1953, 74–85; Glykatzi-Ahrweiler, 1960, 53–54, 81–82]. Они вместе со своими воинами находились в подчинении у стратига, но в поход вместе с контингентами фемы не выступали, продолжая оборонять вверенный им участок границы. Регулярные части были немногочисленны, заметной роли в фемном войске не играли и представляли собой лишь передовой пост, в задачу которого входила защита клисуры до подхода основных сил фемы.

Со второй половины IX в. стройная система организации фемных войск начинает постепенно приходить в упадок. Расслоение в стратиотской среде, обнищание части рядовых воинов, уклонение многих архонтов от воинской повинности приводят к снижению боеспособности фемных контингентов. В них начинают преобладать пехотные подразделения, так как у стратиотов не хватало средств на покупку боевого коня и вооружения кавалериста. В ответ государство предпринимает ряд мероприятий, которые несколько замедлили упадок провинциальных ополчений. Однако полностью остановить этот процесс административными мерами не удалось. Обнищание стратиотов не прекращалось, и уже к началу X в. стратиотское сословие утратило однородность, разделившись на две численно неравные части – стратиотскую верхушку («средние» и «низшие» архонты) и разоряющуюся массу рядовых воинов [см.: Каждан, 1960, 154 *сл.*].

Расслоение стратиотского сословия было лишь одним из проявлений общего для Византии процесса расслоения свободной земледельческой общины и формирования слоя провинциальной знати, что уже неоднократно становилось предметом исследования византинистов. Многие авторы обращали внимание на ведущую роль, которую сыграла в этом процессе верхушка фемных ополчений [см., например: Сюзюмов, 1963, 25–26; Ostrogorsky, 1971, 3–7]. По мнению В. В. Кучмы, архонты «...проявляют тенденцию монополизировать военную службу и с этой целью либо свести рядовую массу до положения исключительно вспомогательного, подсобного контингента, не имеющего никакого самостоятельного значения, либо вообще вытеснить ее за рамки стратиотского сословия, лишить ее функции «защитницы отечества», изъять у нее права и привилегии, сопряженные с этим званием, слить с массой трудящегося бесправного населения» [Кучма, 1971, 95]. Соглашаясь в целом с данной точкой зрения, нам хотелось бы обратить внимание на то, что и в самой стратиотской верхушке происходит определенное расслоение. Из многочисленного слоя провинциальной знати постепенно выделяется несколько наиболее влиятельных семейств (Фоки, Дуки, Склиры, Куркуасы, Аргире), которые

монополизировать высшие военные должности не только в фемных контингентах, но и во всех вооруженных силах страны. С начала X в., используя свое влияние в армии и провинциях, они начинают высказывать притязания на императорский престол.

«Столичное войско»

В Константинополе или в стационарных военных лагерях по обоим берегам Босфора размещались элитные подразделения византийских вооруженных сил. Они представляли собой совокупность различных воинских формирований, отличных друг от друга как по способам организации и комплектования, так и по поставленным перед ними задачам. Наиболее известными среди них считались «четыре царских отряда» – регулярные кавалерийские тагмы *схол*, *эскувитов*, *арифмов* и *иканатов*. Организационная структура этих соединений начала складываться уже в поздней античности, и первоначально они являлись не боевыми подразделениями, а парадным эскортом императора. Кроме участия в торжественных мероприятиях, на них была возложена также охрана самодержца, его семьи и дворца. В состав полевой армии они вошли только в VIII в. [см. об этом: Успенский, 1900, 101 сл.; Glykatzis-Ahrweiler, 1960, 23–31; Haldon, 1984, 119–128, 142–164].

Тагма *схол* Константинополя как боевое подразделение упоминается в источниках с 765 г. По времени создания она являлась самой ранней из константинопольских тагм, и все последующие были организованы по ее подобию.

Организационная структура тагмы *схол* была гораздо проще, чем структура *фем*. Она делилась на две равные части, одной из которых командовал *топотирит схол*, а другой – *хартуларий схол*. *Топотирит* являлся заместителем командира тагмы, *доместика схол*, и выполнял исключительно военные функции. *Хартуларий*, также постоянный командир, помимо руководства своей частью тагмы, отвечал за ее снабжение. Более мелкими подразделениями – *бандами* – командовали *комиты схол*. О младших офицерах тагмы *схол*, как и об офицерах штаба *доместика*, источники практически не упоминают. Общая численность солдат и офицеров тагмы в разные периоды колебалась от 4 тыс. до 1,5 тыс. человек [см.: Вугу, 1958, 49–55; Kühn, 1991, 83–84, 86–87, 91–92].

Тагма *эскувитов* известна с 767 г. Многие исследователи считают, что она была создана по образцу корпуса *эскувиторов* императора Льва I (457–474) и некоторое время являлась подразделением, несшим охрану дворца. В конце VIII в. *эскувиты* были выведены из столицы и никогда больше в ней не размещались, располагаясь в Малой Азии. По своим боевым качествам тагма *эскувитов* превосходила все остальные регулярные формирования. Она состояла из 18 банд тяжелой кавалерии, которые были разделены на две равные части. Бандой командовал не *комит*, а *протомандатор*, но существенных различий в их функциях не наблюдается. Особенностью *эскувитов* было то, что в этом подразделении служили *легатарии* – младшие офицеры, которые вместе со своими подчиненными иногда передавались во временное распоряжение

других военных соединений или гражданских ведомств. Командовал тагмой domestik эскувитов [Glykatzi-Ahrweiler, 1960, 29–30; Kühn, 1991, 93–95, 101].

Третья кавалерийская тагма Константинополя, арифмы, упоминается с 791 г., хотя термин «арифм» как обозначение конного воина встречается в источниках гораздо раньше. В военных походах арифмы участвовали крайне редко, а со второй половины IX в. вообще перестали быть боевым подразделением. В этот период тагма перешла под контроль гражданской администрации, ее главой становится друнгарий вила [см.: Oikonomidès, 1972, 331]. Арифмы следили за порядком в центральном районе Константинополя, во время торжеств на ипподроме, охраняли императорский трибунал в Манганах. Тагма была разделена на множество небольших отрядов, хотя ее формальное деление на две части (топотирита арифмов и хартулария арифмов) сохраняется. Помимо этих архонтов, известны офицеры более низкого ранга – комит, протомандатор, кентарх, курсор. По всей видимости, с X в. в тагме арифмов могли служить и иностранцы, которыми командовал аколуж [см. об этом: Bury, 1958, 60–62; Oikonomidès, 1972, 331].

Тагма иканатов была создана императором Никифором I (802–811) как отряд охраны его сына Ставракия. Однако в 811 г. она была полностью уничтожена болгарами хана Крума [см.: Kühn, 1991, 116, 119]. Впоследствии отряд сформировали заново, но в источниках он упоминается редко. Иканаты размещались вне столицы, во Фракии, их организационная структура совпадает с тагмой схол. Командовал тагмой domestik иканатов [Bury, 1958, 64].

В число «гвардейских императорских отрядов» входила также пехотная тагма нумера. Она являлась основной частью гарнизона византийской столицы и существовала уже в середине VIII в. В задачу нумера входила охрана городских ворот, башен и тюрем. Нумер никогда не покидал пределов столицы, даже если император лично возглавлял военную экспедицию. Тагмой командовал domestik нумера, но в мирное время часть своих солдат он передавал в распоряжение епарха Константинополя. Из подчиненных доместику офицеров известен только комит стен [см.: Guiland, 1964, 17–25].

К числу наиболее боеспособных подразделений византийской армии относилась императорская этерия. Она была организована при Льве V (813–820) и состояла из нескольких отрядов, каждый из которых также назывался этерией. К середине X в. существовало три таких отряда: великая этерия (из македонцев), средняя этерия (иностранцы наемники) и малая этерия (тюрки и арабы-христиане). Главной задачей этерий была охрана дворца и императорской особы, хотя великая этерия иногда принимала участие в военных экспедициях [см., например: Glykatzi-Ahrweiler, 1960, 27; Oikonomidès, 1972, 327–328]. Во главе этого подразделения стоял великий этериарх, рядовой воин этерии назывался манглавитом [см.: Karlin-Hayter, 1974, 101 *suiv.*].

В состав «столичного войска» входили также элитные кавалерийские подразделения фем Оптиматов и Вукеллариев (известны с VI–VII вв.) [Bury, 1958, 66–67; Vyvar, 1972, 287–290] и тагма сатрапов (сформирована в VIII в.) [Кулаковский, 1903, 69; Oikonomidès, 1972, 333]. Эти соединения были регулярными,

их организационная структура мало отличалась от тагмы схол. В походах они участвовали редко и только тогда, когда армию возглавлял император.

В Константинополе базировалась основная часть византийского военного флота, а по берегам Босфора и Мраморного моря находились главные базы снабжения, ремонта и строительства боевых кораблей. После исследований Е. Арвейлер и Е. Антониадис-Бибику, посвященных военно-морским силам Византии, нет необходимости специально останавливаться на их организационной структуре [см.: Ahrweiler, 1966; Antoniadis-Bibicou, 1966]. Упомянем лишь, что флот империи делился на столичный (императорский) и фемный. Столичной эскадрой командовал друнгарий флота, а фемными флотилиями – стратиги морских фем. В подчинении друнгария флота находились топотириты, хартуларий и несколько комитов, каждый из которых при необходимости мог возглавить группу кораблей, выполнявших отдельную боевую задачу. Одним кораблем командовал наварх, а размещенным на нем военным отрядом – кентарх. Императорская эскадра, в отличие от фемных, комплектовалась на регулярной основе.

Со второй половины IX в. в Византии начинают проявляться тенденции к милитаризации ряда гражданских ведомств. В подчинении у логофета стратиготиков, логофета стад, препозита вестиаритов появляются сначала временные, а позже постоянные вооруженные отряды [см.: Guiland, 1971, 25–26, 30–32, 71–75; Oikonomidès, 1972, 316, 340, п. 306]. Офицерский и рядовой состав для них заимствовался из столичных тагм или подразделений этерии. Эти отряды преимущественно занимались охраной или конвоированием, сохраняя при этом организационную структуру регулярных войск. Особое место среди гражданских ведомств, имевших вооруженные отряды, занимал секрет логофета дрома [см.: Вуру, 1958, 90–93]. Он располагал более внушительной военной силой, представленной как регулярными подразделениями, так и стратиготами (экскуссаты дрома) [Каждан, 1960, 130–131; Glykatzi-Ahrweiler, 1960, 19]. Помимо ведомств, воинские формирования находились в персональном подчинении у некоторых чиновников столичной администрации: папия, комискорта [Oikonomidès, 1972, 306–307, 341, п. 308].

Привлечение личного состава регулярных отрядов во временное или постоянное подчинение гражданской администрации распыляло силы «столичного войска» и снижало его боеспособность. К началу X в. до половины офицерского состава константинопольских тагм подчинялась одновременно двум начальникам – военному и гражданскому. Поэтому говорить о них как о значительной силе не приходится. Дробление подразделений, отсутствие четкой системы подчинения и постоянное привлечение военных для решения несвойственных им задач привели к тому, что значительная часть «столичного войска» не могла принимать участия в боевых действиях.

Можно констатировать, что в конце IX – начале X в. вооруженные силы Византии представляли собой разветвленную и громоздкую структуру, составленную из множества подразделений (рис. 1). Данная система создавалась более 200 лет и на первом этапе существования действовала достаточно эффективно. Ее появление было вызвано арабскими вторжениями в VII в., которые

поставили под угрозу само существование Византии. Фемная система выполнила свою задачу: уже к середине VIII в. положение в Малой Азии стабилизировалось, и императорская армия перешла в наступление. Фемные контингенты, объединенные с отрядами «столичного войска», под личным императорским командованием составили мощную полевую армию. Арабское нашествие удалось остановить, а часть захваченных врагом византийских территорий была возвращена под контроль империи [см.: Ahrweiler, 1971, 3–32].

В дальнейшем система стала обрастать новыми элементами, постоянно увеличиваясь в размерах. Однако, несмотря на явные достоинства, она имела и серьезные недостатки. Главным из них было то, что все военные командования, территориальные и столичные, замыкались на особе императора. По сути, организационная структура византийских вооруженных сил являлась одноступенчатой. Командиры всех крупных военных формирований назначались, подчинялись и могли действовать исключительно по императорскому приказу. Со временем, в связи с непомерным разрастанием военной структуры, осуществлять эффективное управление войсками становилось все труднее. С другой стороны, и сами императоры стали уклоняться от непосредственного командования армией. Василий I (867–886) еще руководил походами, но его преемники Лев VI (886–912) и Константин VII (913–959) личного участия в военных действиях не принимали.

Со второй половины IX в. в Византии широкое распространение получил институт военных заместителей самодержца (стратиг-автократор, моностратиг). Военачальники, назначенные на эти экстраординарные должности, получали на время кампании полномочия, сходные с императорскими, а по окончании похода их лишались. Каждая из экстраординарных должностей имела свою специфику. Чаще всего царя замещал domestik схол, при этом самой тагме схол было совершенно не обязательно участвовать в походе. Domestik схол получал под командование определенное число фем (всегда разное) и подразделений «столичного войска», а после окончания войны возвращался к руководству своей тагмой. С 20–30-х гг. X в. должность domestika схол в качестве командира большой армии из экстраординарной становится постоянной, а другие чрезвычайные временные командования в источниках почти не упоминаются. Выделение одного командования из числа прочих, ранее равных ему по рангу, не привело к кардинальному изменению организационной структуры вооруженных сил. По-прежнему только император мог отдать распоряжение о сборе войск и о том, какие подразделения должны войти в состав полевой армии. Domestik схол лишь командовал предоставленными ему силами [см. об этом: Guiland, 1950, 5–11; Oikonomidès, 1972, 329–330].

До настоящего времени мы специально не останавливались на том, какое влияние на эволюцию византийских вооруженных сил оказывал внешнеполитический фактор. Между тем он сыграл значительную роль в обновлении данной структуры. Несколько катастрофических поражений конца IX – начала X в. показали, что старая система не соответствует сложившимся вокруг империи внешнеполитическим реалиям. В условиях войны на три фронта (Малая Азия,

Балканы, Южная Италия) она оказалась бессильной защитить территорию страны от внешних врагов [см.: История Византии, 1967, 188 сл.].

Со второй половины IX в. арабы – главный противник Византии на Востоке – коренным образом изменили тактику ведения военных действий. Этому объективно способствовал распад халифата и образование на византийских границах нескольких небольших мусульманских государств-эмиратов. В предыдущий период огромные арабские армии вторгались на земли империи с целью захватить Константинополь или какую-либо пограничную провинцию. Теперь на месте одного противника появилось сразу несколько. Отдельный эмират значительно уступал Византии в военном и хозяйственном отношении. Рассчитывать на победу в длительной войне такие государства не могли, но разгромить контингенты одной или нескольких пограничных фем войскам эмирата было по силам. Вторгаясь на византийскую территорию, противник наносил прежде всего экономический ущерб. Арабы грабили и сжигали города, разрушали укрепления, угоняли в плен мирное население. При встрече с императорскими войсками небольшие, но очень подвижные отряды мусульман отступали на свою территорию, уклоняясь от боя [см.: Canard, 1953].

Со временем Византия отреагировала на изменение стратегии и тактики противника. Между противоборствующими сторонами возникла своеобразная «нейтральная зона», расположенная восточнее рек Галис и Ламус. Формально она считалась византийской, но реально греки контролировали здесь лишь немногочисленные укрепленные пункты, размещая в них регулярные гарнизоны. Далее шел пояс пограничных фем с выдвинутыми вплотную к границе передовыми постами (клисур), о структуре и задачах которых упоминалось выше. Подобная система оказалась эффективной при ведении оборонительных войн. Необходимо отметить, что и арабская пограничная область была организована аналогичным образом: у мусульман имелись передовые укрепления, а ополчения племен и гвардия эмира составляли войско [см., например: Тер-Гевондян, 1961, 71–78; Kaegi, 1967, 39 sq.; Ahrweiler, 1974, 209–230].

Если оборонительная стратегия империи претерпела определенные изменения, то наступательные действия велись по-старому [см.: Кучма, 1973, 102–113]. Византийцы не отказались от практики крупных военных экспедиций и достаточно часто их предпринимали. Большие, но плохо организованные и управляемые армии, составленные из фемных контингентов и подразделений «столичного войска», медленно двигались к границе, предоставляя противнику возможность подготовиться к обороне. На кампанию тратились огромные средства, опустошавшие государственную казну, а результаты чаще всего были незначительны. Поход, как правило, завершался захватом нескольких арабских крепостей, пленных и добычи. После ухода императорской армии мусульмане зачастую возвращали утраченные населенные пункты и к тому же компенсировали экономический ущерб за счет набега на византийскую территорию.

Тенденция к реорганизации вооруженных сил Византии начинает проявляться уже в конце IX – начале X в., когда старая военная система, основанная на принципах фемного строя, вступила в полосу кризиса. Византийская армия нуждалась в структурной перестройке, которая привела бы ее в соответствие

с хозяйственными и социальными возможностями страны. Однако реальные перемены начались только с середины X в.

В исследовательской литературе радикальные изменения, которые произошли в византийской армии, обычно связывают с именем императора Никифора II Фоки (963–969). Когда он пришел к власти, Византия находилась в тяжелой внешнеполитической ситуации. Временные достижения на Востоке чередовались с чувствительными поражениями, на Балканах и в Южной Италии византийцев также преследовали неудачи [см.: Каждан, 1960, 388–390; История Византии, 1967, 206–210]. Упадок стратиотских ополчений и дезорганизация «столичного войска» усиливались.

По мнению ряда исследователей, Никифор II, будучи «ставленником династического сословия», отказался от бесплодных попыток реанимировать стратиотское землевладение и предпринял решительные шаги, позволившие повысить боеспособность фемных контингентов. Суть военных преобразований Фоки, как правило, исследователи сводят к тому, что он законодательно оформил факт расслоения в стратиотской среде. В одной из своих новелл император объявил об увеличении стоимости стратиотского участка с 4 до 12 литр [см.: Svoropos, 1994, 93–103]. Отныне «...стратиотами могли быть только мелкие вотчинники и, следовательно, стратиоты были резко отделены от крестьянской массы, к которой они принадлежали до сих пор» [Каждан, Литаврин, 1958, 86]. Никифор II «...легализовал уже фактически сложившийся на практике водораздел между военно-служилым сословием, которое отныне было представлено феодально-рыцарскими контингентами, и крестьянской массой, вытесненной за рамки стратиотского сословия, утратившей право и способность нести военную службу» [Кучма, 1971, 97].

В. В. Кучма считает, что после реформы Фоки в рядах стратиотского войска осталось не более трети его бывшего личного состава, что соответствует числу архонтов различных рангов в контингентах византийских фем [см.: Там же, 94–97]. Из архонтов формировались новые тактические единицы – подразделения тяжелой кавалерии катафрактосов. Появление в составе византийской армии больших масс тяжелой кавалерии являлось, как полагают, вторым основным моментом военной реформы. Отряды катафрактосов обладали высокой боеспособностью, и перевес в войнах с соседними народами стал склоняться на сторону Византии.

До недавнего времени данная точка зрения преобладала в исследовательской литературе. Именно в таком виде основные положения военной реформы Никифора II представлены и в обобщающих трудах по истории Византии [см., например: Ostrogorsky, 1963, 241; История Византии, 1967, 166–167; Курбатов, 1984, 120–121]. В этих работах указывается, что византийская армия второй половины X – XI в. относится к армиям так называемого «переходного типа». В ней наряду с новыми феодальными элементами продолжают сохраняться старые элементы времен фемного строя. Однако окончательный переход к войску феодального типа произошел только в XII в., так как государство долгое время стремилось к сохранению провинциальных контингентов и всячески препятствовало росту могущества «фемных архонтов» [см.: История Византии, 1967,

167; Литаврин, 1977, 250–252]. В связи с этим возникает вопрос, чем же можно объяснить столь возросшую военную мощь Византии в конце X – начале XI в., если армия по своей сути продолжала оставаться иррегулярным ополчением провинций, пусть и составленным теперь из катафрактов. Следовательно, ей были присущи все недостатки этих войск, характерные для более раннего периода. Обычно победы византийцев объяснялись целым рядом факторов, например ослаблением соседних государств (сразу всех ?!), тактическим превосходством греков, деятельностью талантливых полководцев (Никифор Фока, Иоанн Цимисхий, Никифор Ксифий), удачным сочетанием военных и дипломатических усилий и, наконец, полной мобилизацией всех внутренних ресурсов государства [см. об этом: История Византии, 1967, 167; Obolensky, 1963, 45–47; Oikonomidès, 1974, 89–90]. При этом вопросы, связанные с организационной структурой вооруженных сил, чаще вообще не рассматриваются, хотя именно в этой сфере происходят наиболее радикальные изменения.

Фемным контингентам, фемной системе, стратиотскому землевладению в VIII–X вв. посвящено большое число исследований, тогда как другая часть византийских вооруженных сил, регулярные тагмы мало привлекали внимание византинистов [см.: Скабаланович, 1884, 317–319, 322–329; Успенский, 1900, 168–185; Glykatzi-Ahrweiler, 1960, 6–7, 20–27]. Подразделения, укомплектованные на регулярной основе, стали предметом изучения только в последнее время, когда появилось сразу несколько работ, касающихся организации, принципов формирования и роли тагм в византийской армии X–XI вв. [см., например: Kaegi, 1967, 42–45; Lilie, 1984, 27–39; Wasilewski, 1980, 375–381]. Из этих исследований нам хотелось бы выделить монографии Х.-И. Кюна и Т. Г. Колиаса. Они посвящены военным преобразованиям второй половины X в. и направлены на корректировку издавна устоявшейся точки зрения на организационную структуру византийской армии [см.: Kühn, 1991; Kolias, 1993].

Исследование Х.-И. Кюна специально посвящено развитию тагм и до настоящего времени является единственной работой, касающейся проблем эволюции регулярных формирований. Австрийский византинист полагает, что военная реформа второй половины X в. являлась не единовременным актом, а серией мероприятий, направленных на улучшение организации византийской армии и фемной системы, упорядочение структуры военных командований, а Никифора II исследователь считает одним из инициаторов реформы, указывая при этом, что изменения начались до правления Фоки и продолжились после его гибели. Х.-И. Кюн датирует реформу периодом 944–975 гг. [см. об этом: Kühn, 1991, 123–135; см. также: Козлов, Мохов, 1993, 197–200].

Т. Г. Колиас склонен вообще отрицать заметную роль Никифора II в реорганизации византийских вооруженных сил. Фока представляется удачливым полководцем, прославленным своими победами, но никак не реформатором [см.: Kolias, 1993, 32–34]. Более того, греческий византинист поставил под сомнение принадлежность знаменитой новеллы о катафрактах Никифору II, доказывая, что она относится к более позднему времени [см.: Там же, 89–101; см. также: Kozlov, Moјov, 1996, 339–347]. По его утверждению, военные победы Фоки, Иона I Цимисхия (969–975) и Василия II (976–1025) стали следствием

длительного реформационного процесса, шедшего не только в военной, но и в иных сферах жизни византийского общества.

Отметим, что оба исследователя, совершенно расходясь во взглядах на личность Никифора II, не противоречат друг другу в том, что военная реформа как длительный и многоплановый процесс все же имела место. Кюн и Колиас видят в ней не только «юридическое оформление процесса расслоения стратиготского сословия», но и ряд организационных нововведений, позволивших коренным образом изменить структуру вооруженных сил Византии. Реформа не ограничивалась увеличением стоимости стратиготского надела до 12 литр и созданием отрядов катафрактов. Она была более глобальна. Основным ее моментом оба византиниста считают выдвижение на передний план регулярных тагм, вокруг которых происходило создание мощной боеспособной армии, сделавшей Византию сильнейшим государством Средиземноморья.

В военной реформе второй половины X в. можно выделить, по мнению Х.-И. Кюна, пять основных моментов: 1) создание в 962 г двух независимых постоянных командований Востока и Запада (командование ими было поручено доместикам схол Востока и Запада) [см. об этом: Cheynet, 1981, 198–202]; 2) переподчинение доместику схол Востока и доместику схол Запада всех вооруженных сил, размещенных в соответствующей части империи; 3) размещение подразделений регулярных столичных тагм в пограничных провинциях Византии на постоянной основе и численное их увеличение за счет наиболее боеспособных фемных контингентов; 4) создание новых военно-территориальных округов, дукатов и катепанатов, переподчинение дукам (катепанам) всех воинских формирований, размещенных на территории этих округов; 5) создание регулярных пехотных тагм – таксиархий [см.: Kühn, 1991, 123–124].

Как следствие, организационная структура византийской армии коренным образом изменилась (рис. 2). Главой вооруженных сил империи продолжал оставаться император. Однако его личное участие в походах становилось необязательным, как и назначение военачальников на экстраординарные командные должности. Армия была выведена из подчинения самодержцу и отдана под командование доместика схол Востока, доместика схол Запада и друнгария флота. В личном распоряжении императора продолжали оставаться некоторые подразделения, укомплектованные в основном иностранцами (наемники или союзники), в задачу которых входила охрана царской особы и дворца. Кроме того, только ему подчинялся сформированный в 70–80-х гг. X в. варяго-русский союзный корпус, насчитывавший до 6 тыс. воинов. Подразделения корпуса иногда передавались в подчинение военачальников высшего ранга, но лишь на время проведения одной военной операции [см. об этом: Васильевский, 1908, 319 сл.; Miller, 1971, 62–65]. Главной ударной силой византийской армии со второй половины X в. становятся регулярные армии Востока и Запада (полевые армии). Они формировались по двум основным направлениям: создание новых подразделений, по своей организационной структуре аналогичных тагме схол (тагмы стратилатов, атанатов, сатрапов) [см.: Oikonomidès, 1972, 332–333; Kühn, 1991, 243–249], и организация регулярных отрядов в большинстве внутренних провинций Византии. В провинциях тагмы создавались путем

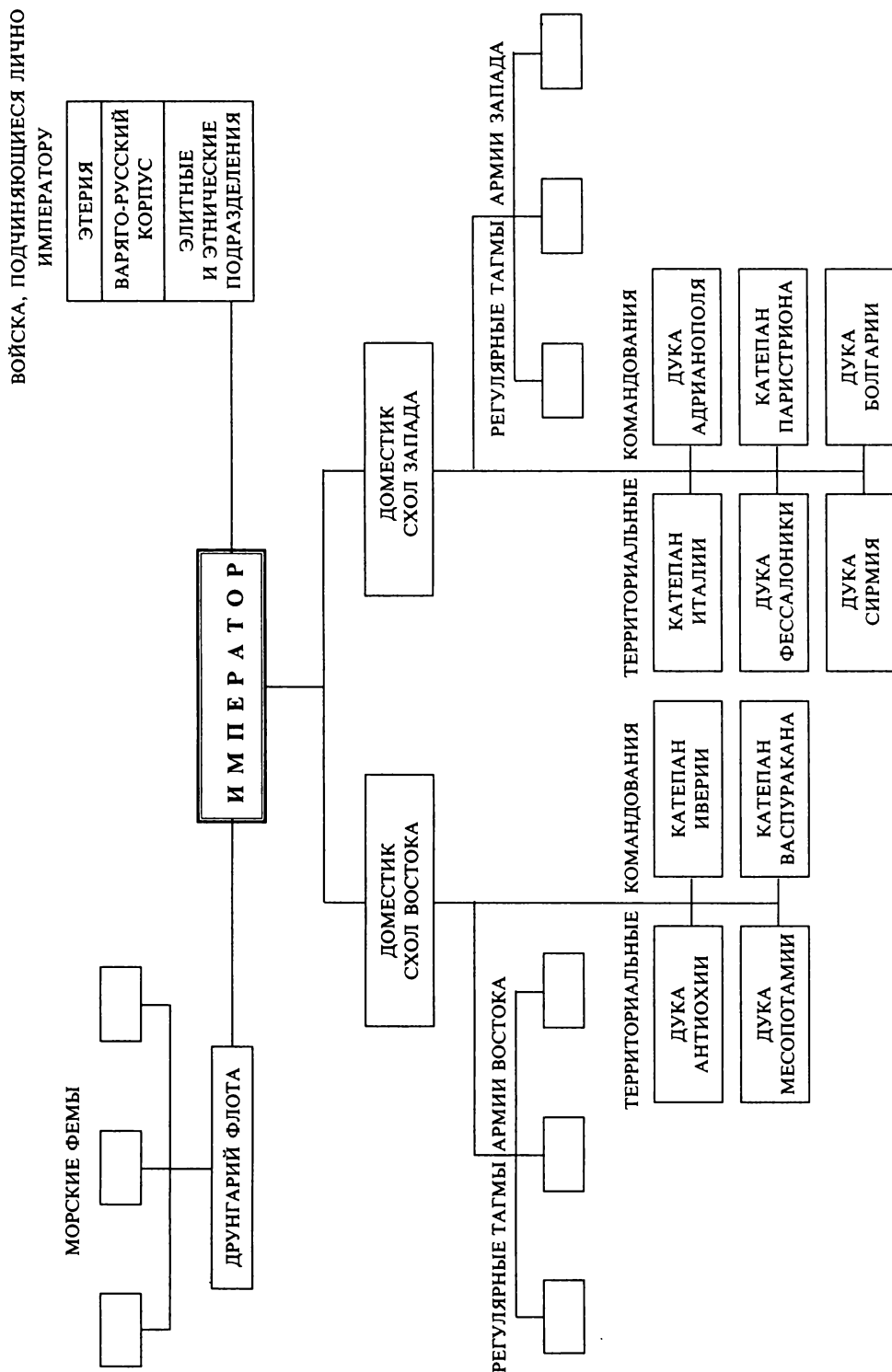

Рис. 2. Вооруженные силы Византийской империи к 1025 г.

принудительного включения в их состав наиболее боеспособных подразделений фемных контингентов и за счет приема добровольцев [см., например: Ahrweiler, 1974, 210–211; Dédéyan, 1975, 41–44]. К концу X в. численность регулярных войск увеличилась в несколько раз, но в одном месте все тагмы Востока или Запада собирались крайне редко. Некоторая их часть располагалась в стационарных военных лагерях близ столицы, а другая была сосредоточена в пограничных провинциях, выполняя определенные боевые задачи.

Еще одним элементом новой военной структуры стали большие приграничные территориальные командования – дукаты (катепанаты). Они создавались только в тех районах, где существовала угроза частых нападений врага и военные действия велись непрерывно. Можно отметить, что каждый дукат создавался для противодействия строго определенному противнику (Италия против сицилийских и североафриканских арабов, Антиохия и Месопотамия против Хамданидов и Мирдасидов Халеба, Адрианополь против Болгарии и т. д.). Военные силы дуката состояли из регулярных тагм, сформированных на месте или передислоцированных из других регионов империи и стратиотских ополчений входивших в его состав фем [см.: Oikonomidès, 1974, 83–84].

В результате преобразований второй половины X в. стратиги пограничных фем превратились в командиров небольших военных отрядов, количественно увеличивавших войска регулярных тагм и выполнявших вспомогательные задачи. В мирное время стратиг продолжал оставаться гражданским правителем небольшого административного округа, но подчинялся он теперь не императору, а дуке. В составе дуката могло быть несколько фем, причем, в случае необходимости, малая фема могла быть переведена в состав соседнего командования. В XI в. такие ситуации возникали постоянно. Стратиги внутренних фем также лишились большей части своих былых полномочий. Лучшие подразделения ранее подчиненных им фемных контингентов были переданы в состав регулярных тагм, а в сферу гражданских полномочий стратига активно вторгались фемные судьи и чиновники налогового ведомства. Показательно, что с конца X в. правители внутренних фем все реже упоминаются в источниках, особенно в связи с участием в военных действиях. Можно предположить, что эти посты нередко оставались вакантными.

В отличие от стратигов, положение дук (катепанов) заметно упрочилось. До середины X в. они командовали небольшими регулярными отрядами и занимали в фемных контингентах второстепенное положение. В результате военной реформы регулярные тагмы занимают ведущее место, возрастает также роль их командиров. Дуки (катепаны) становятся теперь главами больших территориальных командований и выполняют исключительно военные функции. Однако со времени правления Василия II они получают, кроме того, обширные полномочия в судебной, финансовой и налоговой сферах, превращаясь в военных и гражданских правителей больших по территории и численности населения военно-административных округов. По всей видимости, дуки получили право распоряжаться частью налогов, собранных на вверенной им территории. Из этих сумм они выплачивали жалованье солдатам и офицерам регулярных тагм, снабжали войска, оплачивали работы по ремонту или

реконструкции оборонительных сооружений. Кроме того, дуки получили право вести переговоры с правителями соседних государств. Однако несмотря на все последующие изменения в статусе дук (катепанов) и увеличение объема их полномочий, они продолжали оставаться прежде всего офицерами высшего ранга [см.: Glykatzi-Ahrweiler, 1960, 64–67; Cheynet, 1985, 181–182].

Помимо структурной реорганизации, одним из следствий этой военной реформы стало изменение стратегии и тактики византийских войск. Можно констатировать, что во второй половине X в. в Византии была создана принципиально новая система обороны границ. В отличие от предыдущего периода, она была более гибкой и могла реагировать на вражеские вторжения немедленно, не дожидаясь приказа из Константинополя. Новая оборонительная система была трехступенчатой и состояла из следующих элементов: пояс небольших по территории и населению пограничных стратигий (малых фем), пограничные дукаты (катепанаты) и полевые армии Востока и Запада.

В случае нападения противника стратиг малой фемы с подчиненными ему контингентами должен был либо отразить врага, либо оборонять административный центр и другие укрепленные пункты фемы, если вражеские силы намного превосходили его собственные. Главная задача стратига в данном случае состояла в том, чтобы не допустить прорыва пограничной линии и дать дуке (катепану) возможность собрать все наличные силы и прибыть в район боевых действий. Далее дука должен был вынудить врага покинуть территорию империи. При этом его действия строго не регламентировались: он мог решить исход кампании в одном генеральном сражении, изматывать неприятеля внезапными нападениями или вторгнуться на территорию вражеского государства [см.: Kühn, 1991, 129–131].

Как правило, сил пограничного командования было достаточно для отражения агрессии. Поэтому в конце X – первой половине XI в. полевые армии редко использовались для обороны византийской территории. Если же необходимость в присутствии полевой армии все же возникала, то ее подразделения быстро выдвигались к границе. Для перевозки войск постоянно использовался флот, доставлявший регулярные части в один из портов, максимально приближенных к району военного конфликта.

Во время наступательных операций система действовала аналогичным образом. Вести боевые действия на территории противника могли как стратиги малых фем, так и дуки пограничных провинций. Они не были ограничены приказом из Константинополя и чаще действовали по собственной инициативе, но в случае поражения несли личную ответственность перед императором. Целью подобных операций, как правило, был захват какого-либо города или стратегически важной крепости. При удачном исходе стратиг мог рассчитывать на продвижение по службе и прочие награды от самодержца.

Так как большинство вражеских нападений были в состоянии отразить силы пограничных дукатов, полевые армии Востока и Запада в конце X – начале XI в. использовались прежде всего для ведения завоевательных войн. Полевая армия, совершая поход на неприятельскую территорию, численно увеличивалась за счет контингентов ближайшего дуката. Во все захваченные

города и крепости вводились византийские гарнизоны, зачастую в них создавались малые фемы. После ухода полевой армии вновь подчиненные области передавались в управление правителю ближайшего дуката, в них устанавливалась византийская система военного и гражданского управления. Таким образом, территориальные военные структуры постоянно воссоздавались, но уже на новом месте. Отметим также, что новая стратегия и тактика ведения боевых действий нашла отражение в таких византийских военных трактатах второй половины X в., как «*De Velitatione bellica*», «*De castrametatione*», «Стратегика императора Никифора» и др.

Реорганизация вооруженных сил позволила Византии навязать своим противникам непрерывную войну, которую ни одно соседнее с империей государство не сумело выдержать. Отказавшись от практики больших военных экспедиций, византийцы медленно выдавливали врага из его пограничных областей. Основное внимание было перенесено теперь на захват стратегически важных крепостей, а не на победу в сражениях. При Никифоре II и Иоанне I императорская армия подчинила Киликию, Кипр, Северную Сирию с Антиохией, Северную Палестину, были захвачены также области в верховьях Евфрата и часть Закавказья. В войне с мусульманскими эмиратами наступил окончательный перелом. Поэтому с конца X в. многие эмиры, как и правители христианских княжеств Закавказья и Месопотамии, предпочитали признать себя вассалами империи, чем подвергать свои страны опасности византийского вторжения [см.: Felix, 1981, 131–136; Юзбашян, 1988, 117–129].

На Западе военные достижения византийцев были менее значительны. Это объясняется тем, что реформы в этой части империи шли медленнее. Кроме того, Болгарское царство было в военном отношении гораздо сильнее, чем соседи Византии на Востоке. Только при Василии II в войне с Болгарией была одержана победа, но для этого империи пришлось мобилизовать весь свой военный потенциал. Против войск царя Самуила сражались не только западная, но и восточная полевые армии, стратиотские ополчения западных фем. В ходе военных действий император применил совершенно не типичный для своей эпохи прием. Сразу несколько византийских армий одновременно начали наступление на Болгарию с разных направлений. Перед каждой из них были поставлены определенные задачи, их действия координировал сам Василий II, покинувший Константинополь и годами не возвращавшийся в столицу. После разгрома болгар при Беласице в 1014 г., греки приступили к подчинению страны, которое завершилось в 1018 г. [см. об этом: Златарски, 1971, 633 сл.]

В связи с тяжелой и кровопролитной войной на Западе Византия на некоторое время ослабила военное давление на своих восточных соседей. Только в последние годы жизни Василий II предпринял несколько военных экспедиций на Восток, подчинив некоторые области Закавказья и Месопотамии. В то же время царь Васпуракана Сенекерим Арцруни, понимая, что оказывать длительное сопротивление натиску Византии не удастся, передал свою страну Василию II в обмен на земельные владения в Малой Азии [см.: Юзбашян, 1988, 150–156]. Император начал подготовку сирийского и сицилийского походов, которые, однако, не состоялись в связи со смертью Болгаробойцы в 1025 г.

Василий II завершил начатую его предшественниками военную реформу. В начале XI в. было сформировано несколько регулярных тагм во внутренних фемах Византии (Фракисий, Писидия-Ликаония, Армениак). В отличие от аналогичных подразделений, созданных в годы правления Никифора II и Иоанна I, они не вошли в состав полевых армий и продолжали оставаться в тех провинциях, где были сформированы. Кроме того, новые провинциальные тагмы были неоднородны по составу, в них были как кавалерийские, так и пехотные отряды. Их роль заключалась в том, что они выступали в качестве стратегического резерва и должны были принимать участие в подавлении мятежей, вспыхнувших на территории империи [см.: Kühn, 1991, 251–257].

В связи с тем, что при Василии II Византия вела непрерывные завоевательные войны, в которые была вовлечена большая часть регулярных войск, вновь возрастает значение стратиотских ополчений. Император предпринял очередную попытку остановить разорение рядовых стратиотов, надеясь использовать их для обороны границ. В своих указах он требовал немедленно и без какой-либо компенсации возратить отнятые у стратиотов земельные участки, угрожая архонтам, присвоившим надель, суровым наказанием [Svoronos, 1994, 185 *suiv.*]. Однако эффективность этих мероприятий оказалась невелика.

Из организационных нововведений Василия II необходимо упомянуть то, что с конца X в. он перестал назначать domestikов схол Востока и Запада. Это не означало отказа от некоторых положений военной реформы, так как император лично руководил полевыми армиями и фактически выполнял обязанности обоих domestikов. Кроме того, в начале правления Болгаробойце пришлось столкнуться с мятежами провинциальной военной знати, которые удалось подавить с невероятным трудом. Опасаясь новых восстаний, император не доверял более аристократам командование полевыми армиями.

Таким образом, Василий II произвел некоторую корректировку военной политики исходя из сложившейся внешнеполитической обстановки и обострения противоречий внутри государства. К 1025 г. структурная реорганизация византийских вооруженных сил была завершена и распространена на всю территорию империи. После преобразований византийская армия стала в основном регулярной, имела четкую организацию и централизованную многоступенчатую систему управления и снабжения. В ее составе продолжали оставаться некоторые элементы прежней фемной организации в виде стратиотских ополчений, но заметной роли они не играли. Каких-либо элементов, присущих армиям феодального (рыцарского) типа, в вооруженных силах Византии конца X – начала XI в. нам обнаружить не удалось.

Подводя итоги, можно констатировать, что кардинальная реорганизация византийской армии, предпринятая во второй половине X – начале XI в., принесла ощутимые плоды. Она позволила создать новую, более надежную, систему обороны границ, а небольшая по численности, но хорошо укомплектованная, вооруженная и обученная полевая армия была способна вести длительные завоевательные войны. Военная реформа привела к профессионализации командного состава византийской армии. Большинство командных должностей становятся постоянными, а число временных и экстраординарных

командований резко сократилось. По существу, в данное время происходит формирование многочисленного офицерского корпуса, ставшего на несколько десятилетий основой византийской военной системы [см.: Каждан, 1973, 47–60]. Конец X – начало XI в. можно охарактеризовать как время подлинного триумфа византийского оружия и византийской военной организации, которая оказалась значительно более эффективной и жизнеспособной, чем аналогичные структуры соседних стран и народов.

Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. // *Васильевский В. Г. Труды.* Т. 1. СПб., 1908.

Златарски В. Н. История на Българската държава през средните векове. Т. 2. София, 1971. История Византии. Т. 2. М., 1967.

Каждан А. П. Византийская армия в IX–X вв. // Учен. зап. Веліколуцького пед. ін-та. 1954. Вып. 1.

Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX–X вв. М., 1960.

Каждан А. П. Характер, состав и эволюция господствующего класса в Византии XI–XII вв. Предварительные выводы // *Byzantinische Zeitschrift.* 1973. Bd. 66.

Каждан А. П., Литавин Г. Г. Очерки по истории Византии и южных славян. М., 1958.

Козлов А. С., Мохов А. С. [Рецензия] // Византийский временник. 1993. Т. 54. Рец. на: Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert: Studien zur Organisation der Tagmata. Wien, 1991.

Кулаковский Ю. А. Византийский лагерь конца X в. // Византийский временник. 1903. Т. 10, вып. 1–2.

Кулаковский Ю. А. Друнг и друнгари // Византийский временник. Т. 9. 1902.

Курбатов Г. Л. История Византии: От античности к феодализму. М., 1984.

Кучма В. В. Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX–X вв. по «Тактике Льва» // Античная древность и средние века. Вып. 9. Свердловск, 1973.

Кучма В. В. Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв. Структура и численность подразделений // Античная древность и средние века. Вып. 12. Свердловск, 1975.

Кучма В. В. Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX–X в. // Византийские очерки. М., 1971.

Кучма В. В. Теория и практика военного дела Византийской империи по данным трактатов X в. // Византийские очерки. М., 1982.

Литавин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв.: Проблемы истории одного столетия, 976–1081. М., 1977.

Скабаланович Н. Византийское государство и церковь в XI в., от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. СПб., 1884.

Сюзюмов М. Я. Деревня и город в Византии IX–X вв. // *Actes du XIIe Congrès international des Études byzantines.* Vol. 1. Beograd, 1963.

Тер-Гевондян А. Н. Арабские эмираты в Армении при Багратидах // Краткие сообщения Института народов Азии АН Армянской ССР. 1961. Т. 47.

Успенский Ф. И. Военное устройство Византийской империи // Известия Русского Археологического института в Константинополе. 1900. Т. 6, вып. 1–3.

Ферлуга Ж. Нижє воїно-адміністративне єдіничє тематського уређења // Збірник радова Византолошког института. 1953. Т. 2.

Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия (IX–XI вв.). М., 1988.

Ahrweiler H. Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe–XVe siècles. P., 1966.

- Ahrweiler H.* L'Asie Mineure et les invasions arabes (VIIe–IXe siècles) // *Ahrweiler H.* Études sur les structures administratives et sociales de Byzance. L.: Variorum reprints, 1971. IX.
- Ahrweiler H.* La frontière et les frontières de Byzance en Orient // Actes du XIVe Congrès international des Études byzantines. Vol. 1. Bucarest, 1974.
- Antoniadis-Bibicou H.* Études d'histoire maritime de Byzance. A propos du «thème de Caravisiens». P., 1966.
- Bury J.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a revised text of the Kletorologion of Philotheos. N. Y., 1958.
- Byvar A. D. H.* Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier // *Dumbarton Oaks Papers.* 1972. Vol. 26.
- Canard M.* Histoire de la Dynastie des H'amdanides de Jazira et de Sirie. P., 1953.
- Cheyne J.-Cl.* Du stratège de thème au duc: chronologie de l'évolution au cours du XIe siècle // *Travaux et mémoires.* 1985. Vol. 9.
- Cheyne J.-Cl.* Nouvelle hypothèse à propos du domestique d'Occident cité sur une croix du Musée de Genève // *Byzantinoslavica.* 1981. Vol. 42.
- Dédéyan G.* L'immigration arménienne en Cappadoce au XIe siècle // *Byzantion.* 1975. T. 45.
- Felix W.* Byzanz und die islamische Welt im fruheren 11. Jahrhundert. Geschichte der politischen Beziehungen von 1001 bis 1055. Wien, 1981.
- Glykatzis-Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IX–XIe siècles // *Bulletin de Correspondance Hellénique.* 1960. T. 84.
- Guilland R.* Le comte des murs // *Byzantion.* 1964. T.34.
- Guilland R.* Le domestique des scholes // *Revue des Études Byzantines.* 1950. Vol. 8.
- Guilland R.* Les Logothètes // *Revue des Études Byzantines.* 1971. Vol. 29.
- Haldon J. F.* Byzantine praetorians. An administrative, institutional and social survey of the Opsikion and tagmata ca. 580–900. Bonn, 1984.
- Haldon J. F.* Constantine Porphyrogenitus: Three Treatises on Imperial Military Expeditions. Wien, 1990.
- Haldon J. F.* Recruitment and Conscription in the Byzantine Army (550–950). A study on the origins of the Stratiotika Ktemata. Wien, 1979.
- Kaegi W. E.* Some Reconsiderations on the Themes (Seventh–Ninth Centuries) // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik.* 1967. Bd. 16.
- Kaegi W. E.* The Byzantine Armies and Iconoclasm // *Byzantinoslavica.* 1966. Vol. 27.
- Karayannopoulos J.* Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung. München, 1959.
- Karlín-Hayter P.* L'hétériarque: l'évolution de son rôle du De Cerimoniis au Traité des Offices // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik.* 1974. Bd. 23.
- Kolias T. G.* Nikephoros II. Phokas (963–969). Der Feldherr und Kaiser und seine Reformtätigkeit. Athens, 1993.
- Kozlov A. S., Mojov A. S.* Res.: Kolias T. G. Byzantinische Waffen. Ein Beitrag zur byzantinischen Waffenkunde von den Anfängen bis zur lateinischen Eroberung. Wien, 1988 // *Erytheia.* 1996. T. 17.
- Kühn H.-J.* Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert: Studien zur Organisation der Tagmata. Wien, 1991.
- Lilie R.-J.* Die zweihundertjährige Reform: zu den Anfängen der Themenorganisation im 7. und 8. Jahrhundert // *Byzantinoslavica.* 1984. Vol. 45.
- Miller D. A.* Byzantine Treaties and Treaty-Making: 500–1025 AD // *Byzantinoslavica.* 1971. Vol. 32.
- Obolensky D.* The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // Actes du XIIe Congrès international des Études byzantines. Vol. 1. Beograd, 1963.
- Oikonomidès N.* Les listes de préséance byzantines des IXe et XIe siècles. Introduction, texte, traduction et commentaire. P., 1972.
- Oikonomidès N.* L'organisation de la frontière orientale de Byzance aux X–XIe siècles et le Taktikon de l'Escorial // Actes du XIVe Congrès international des Études byzantines. Vol. 1. Bucarest, 1974.

Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1963.

Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy in Byzantium // *Dumbarton Oaks Papers*. 1971. Vol. 15.

Svoronos N. Les Nouvelles des empereurs macédoniens concernant la terre et les stratiotes. Athènes, 1994.

Wasilewski T. La disparition des tagmata impériaux à Byzance dans la seconde moitié du XIe siècle // *Actes du XVe Congrès international des Études byzantines*. Athens, 1980. Vol. 4.

О. В. Семенов

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ

Включение в состав Московского государства земель Верхнего Прикамья, известных как Пермь Великая, – событие чрезвычайно важное, существенно повлиявшее как на судьбу обитавшего там коми-пермяцкого населения, так и на всю последующую историю нашей страны. Простираясь с запада на восток от Камы до Уральских гор, захватывая верховья Печоры на севере и упираясь в быстрые воды Чусовой на юге, приуральские земли не только способствовали обогащению казны великих князей, но и сыграли роль плацдарма для дальнейшего продвижения русской государственности на восток. Именно из Перми Великой отправлялись покорять Зауралье и Сибирь первые отряды служилых людей, отсюда началась крестьянская колонизация просторов «за Камнем». Повинность по продовольственному (в форме так называемых «сибирских отпусков») и материальному обеспечению территорий Верхотурского, Пелымского, Туринского, Тюменского и Тобольского уездов легла не легким грузом на плечи чердынских посадских людей и крестьян. Да и в административном отношении Зауралье некоторое время подчинялось пермским наместникам. Между тем, как это ни парадоксально, в историографии до сих пор остается неразрешенным до конца вопрос о дате присоединения Перми Великой к России.

Первые достоверные известия о проникновении русских в Приуралье относятся к концу XI в. [см.: *Повесть временных лет*, 129]. Край манил обилием природных богатств (в первую очередь пушниной), получить которые, при наличии малочисленного и уступающего в военном отношении населения, не представляло особой сложности. Двумя столетиями позже данные земли уже фигурируют в составе новгородских волостей. Зависимость эта тем не менее оказалась чисто формальной. Ограничиваясь нерегулярным сбором дани и осуществляемыми время от времени походами, Новгород не сооружал здесь городов и острогов, не насаждал своей администрации. Иной характер носила московская колонизация туземных территорий. Включившись в активную